

Л. Н. НАЗАРОВА

ОБ ОДНОЙ ЭПИГРАММЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

В т. III «Сочинений Державина», изданном Академией наук в 1866 году, на стр. 381 помещена эпиграмма под названием: «На подьячего, свиставшего в комедии „Коварный“»:

Как ты Коварного решился освистать?
Сказал дьяку так дьяк, быв хитрый сам пролаза. —
Наш долг, тот отвечал, себя здесь защищать:
И ворон ворону не выколет ведь глаза.

В подстрочном примечании Я. К. Грот писал: «При заглавии в рукописи означен декабрь 1804 года. Из Северного вестника (ч. V, стр. 108) видно, что комедия Коварный действительно была в первый раз представлена 16 декабря этого года. К сожалению, в журнале не сообщено ни имени автора, ни других каких-либо подробностей относительно этой пьесы».

В т. VIII «Сочинений Державина» (СПб., 1880), который составляет подробная биография поэта, в главе XV (раздел 3 — «Эпиграммы и басни Державина») Я. К. Грот разбирает ряд эпиграмм его на писателей-современников (Н. П. Николева, Д. И. и А. С. Хвостовых, Н. Ф. Эмина, Е. И. Кострова, Н. М. Карамзина, А. Ф. Воейкова и др.). Однако эпиграмма по поводу первого представления комедии «Коварный» здесь даже не упомянута, возможно, вследствие того, что автор пьесы оставался Я. К. Гроту неизвестным.

Между тем совершенно очевидно, что Державин имел в виду пятиактную комедию в прозе «Коварный» — второе произведение А. А. Шаховского. Авторство Шаховского не было тайной для многих историков русского театра, в частности, например, для Р. И. Зотова. По его словам, комедия «Коварный» «не имела успеха, потому что чисто русского, национального элемента тут вовсе не было: это было подражание известной Грессетовой комедии „Le méchant“, которая и на французской сцене холодна».¹

Не входя в рассмотрение мнения Р. И. Зотова (о причинах провала «Коварного» речь будет идти дальше, при анализе этой комедии), укажем еще, что факт неудачи «Коварного» засвидетельствован и П. Н. Араповым. Последний, имея в виду то же самое первое представление «Коварного» (16 декабря 1804 года), писал, что пьеса «успеха... не имела, и когда на

¹ Материалы для истории русского театра. Князь А. А. Шаховской. «Репертуар и Пантеон», 1846, том 14, стр. 9.

вызов нескольких голосов „автора!“ явился Шушерин, чтоб сказать, что автора нет в театре, большая часть публики зашикала и закричала „не надо! не надо!“²

Упоминает о «Коварном» Шаховского и Н. В. Гербель, подчеркивая, что комедия эта «провалилась и вызвала целую тучу эпиграмм из лагеря сторонников нового карамзинского направления...»³

Позже А. А. Ярцев так же отмечал, что пьеса Шаховского не только «не имела никакого успеха», но «даже возбудила протест публики»⁴ Связывая провал «Коварного» с реакцией на спектакль определенной части зрительного зала, Ярцев приводил в своей статье две строки из стихотворения П. А. Вяземского «Поэтический венок Шуховского», в котором поэт, обращаясь к Шаховскому, вспоминает то время,

Когда при свисте кресл, партера и райка,
Торжественно сошел со сцены твой «Коварный».⁵

Вслед за дореволюционными историками русского театра, ничего не прибавив к тому, что они писали, но даже несколько осложнив вопрос, пошел и один из советских театроведов — С. С. Данилов. Он отмечает, что комедия «Коварный» «была встречена враждебно частью бюрократической публики за сатирические выпады по адресу чиновничества»⁶ Последнее утверждение является совершенно ошибочным, так как в числе действующих лиц пьесы вообще нет никаких чиновников.

Объясняя таким образом неуспех первого представления на сцене пьесы Шаховского, С. С. Данилов, вероятно, исходил из эпиграммы Державина. Ведь именно в ней повествуется о беседе двух дьяков (т. е. чиновников).

Между тем никто из писавших об этом эпизоде не пытался сказать что-либо о содержании «Коварного», что, впрочем, понятно: эта комедия, как и многие другие пьесы Шаховского, не была никогда опубликована. Однако в рукописном отделе Ленинградской государственной театральной библиотеки им. А. В. Луначарского сохранился автограф комедии «Коварный»⁷ (фамилия автора не обозначена, но почерк несомненно А. А. Шаховского).

Как и для последующих комедий Шаховского — «Новый Стерн» (1805) и «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), — для «Коварного» характерны выпады против сентиментализма и писателей-сентименталистов.

Одной из героинь этой комедии является княжна Кермская, девица почтенного возраста, помещанная на «чувствительных» романах. Она мечтает о том, чтобы покинуть «монотонную Россию, этот варварский климат» и отправиться в заграничное путешествие в обществе венецианца Монтани, афериста и пролазы, сумевшего обворозить любительницу сентиментальной литературы. Автор противопоставляет княжне Кермской ее брата, который «восхищается своим отечеством и ненавидит все иностранное». Князю Керм-

² П. Н. Арапов. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 169.

³ Н. В. Гербель. Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1873, стр. 136.

⁴ А. А. Ярцев. Князь А. А. Шаховской. (Опыт биографии). Статья первая. Общий очерк жизни и деятельности. Ежегодник императорских театров. Сезон 1894—1895 гг. Приложения. Книга 2, СПб., 1896, стр. 127.

⁵ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. III, 1808—1827, СПб., 1880, стр. 85.

⁶ С. С. Данилов. Очерки по истории русского драматического театра. М.-Л., 1948, стр. 184.

⁷ ЛГТБ, II.6.5. № 1477.

скому (именно он является выразителем идей автора) порядком надоели «сентиментальные кривлянья, принужденные вздохи и это платье альпийской пастушки», т. е. всё то, что характеризует его сестрицу. Эти нападки на сентиментализм и объясняют возмущение, которое вызвала пьеса Шаховского в среде зрителей-карамзинистов, в частности у П. А. Вяземского. Отрицательное же отношение Державина и многих других писателей к «Коварному» могло быть связано с тем, что в качестве главного героя комедии был выведен Шаховским действительно «пролаза» в полном смысле этого слова, проходимец и авантюрист Монтани, иностранец по происхождению. Он сумел при помощи своей хитрости и изворотливости оборотить всех тех, с кем столкнула его судьба. Без ума от него не только княжна Кермская; даже ее брат, который недоверчиво относится к иностранцам, весьма высокого мнения о Монтани. Своим искренним другом считает его и молодой граф Ипполит Вельский. Софию же Кермскую мнимые совершенства венецианца даже пугают. Стараясь во что бы то ни стало достигнуть своей цели — женитьбы на богатой и знатной девушке, княжне Софье Кермской, Монтанй очень ловко устраняет своего соперника — графа Вельского. А обманутая «пролазой» старшая княжна Кермская, единственной наследницей которой является Софья, дарит Монтани свое имя.

Особенное возмущение зрителей мог вызвать монолог Монтани. Характеризуя свой ум, «победитель предрассудков» Монтани, потерявший в молодости свое имя, провозглашает, что теперь и он сам «получил право обольщать, разорять» других. С этой именно целью он приехал в Россию, где гостеприимство жителей и покровительство одного сановника дали ему возможность отличиться. «И наконец мой ум принуждает знатного и богатого господина женить меня на своей дочери», — заключает Монтани свой монолог.

Возникает вопрос, присутствовал ли Державин на первом представлении «Коварного»? Ответить на него с полной определенностью вряд ли возможно, так как прямых свидетельств об этом не сохранилось. Но в конце 1804 года Державин был в Петербурге и, следовательно, мог присутствовать в театре и 16 декабря.⁸

Некоторым подтверждением этой догадки может служить и сама эпиграмма Державина.

Трудно предположить, чтобы поэт мог написать эпиграмму на пьесу, которой не видел и о провале которой знал только понаслышке: это противоречит обычной его литературной манере — отправляться от реальной действительности.

⁸ Известно, что в Екатеринин день (т. е. 24 ноября) 1804 года Александр I во дворце подошел к Державину и спросил его, был ли он накануне в театре на первом представлении «Эдипа» (В. А. Озерова). Таким образом, в это время Державин, очевидно, нередко посещал театр.